

С. Е. Матвеев

**ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИЛИЦИИ
В ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ
В УСЛОВИЯХ РЕКОНСТРУКЦИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА**

Показаны основные направления подготовки сотрудников спецслужб. Глубокие изменения в политической и социально-экономической сферах жизни в СССР в качестве одного из последствий вызвали рост оппозиционных настроений в стране. Это привело к необходимости повышения эффективности работы органов НКВД сразу по многим направлениям. В работе представлены основные формы и методы взаимодействия правоохранительных структур с местным населением.

The article casts light on the system of intelligence officer training. The deep changes in the political and socioeconomic life of the USSR resulted in the growth of opposition attitudes. It necessitated higher efficiency of the officers of the National Commissariat of Home Affairs. The author considers the main forms and methods of the interaction between the law enforcement institutions and local population.

Ключевые слова: политические репрессии, политическая система, образ врага, административно-командная система, ВКП(б).

Keywords: political repressions, political system, enemy image, administrative command system, the All-Union Communist Party (of Bolsheviks)

Рубеж 1920–1930-х гг. без преувеличения можно назвать поворотной вехой в истории милиции Северо-Запада России и приграничных районов Псковского края, так как именно в это время начался процесс реорганизации и оптимизации структуры органов внутренних дел, серьезно повлиявший на их дальнейшее развитие вплоть до начала Великой Отечественной войны. Логика этого процесса была неразрывно связана с началом трансформации всего механизма советского государства в период 1927–1929 гг., который получил наименование эпохи «великого перелома» и привел к формированию специфического режима государственной власти, связанного с чрезвычайными мерами при ее осуществлении.

К концу 1920-х гг. перед большевистским руководством остро встала проблема определения дальнейшего пути социально-политической и экономической модернизации советского общества в условиях идеологически враждебным идеям коммунизма международного окружения. Достаточно реальной представлялась и прямая военная угроза, которая усугублялась индустриальной отсталостью страны. Техническая оснащенность армии оставляла желать лучшего. Фактически отсутствовала противовоздушная оборона.

Это было тем более опасно, что после полосы признаний СССР в 1927 г. произошел новый виток напряженности в его отношениях с западными странами. Кроме того, в 1927–1928 гг. советское государство столкнулось с серьезными экономическими трудностями, обусловлен-

ными противоречиями между рыночными принципами нэпа и требованиями командно-административной системы управления.

Дискуссия о перспективах дальнейшего развития советского строя сопровождалась острой борьбой за лидерство внутри правящей партии, которая в итоге завершилась укреплением режима личной власти И. В. Сталина. В сочетании с объективными трудностями функционирования государственного аппарата в условиях «осажденной крепости» все вышеперечисленные факторы способствовали постепенному ужесточению общественного порядка, центральная роль в обеспечении которого традиционно принадлежала органам внутренних дел.

Вновь принятое в 1927 г. Положение о НКВД РСФСР практически не изменило базовые принципы правоохранительной деятельности, закрепленные еще Положением о службе рабоче-крестьянской милиции 1925 г. Однако вопрос о наиболее приемлемых формах их реализации оставался открытым. В 1927 г. коллегия НКВД РСФСР озвучила решение о преобразовании отделов милиции и уголовного розыска в самостоятельные подразделения. Во исполнение этого указания в 1928—1929 гг. были последовательно созданы Управление милиции и Управление уголовного розыска НКВД РСФСР. Одновременно осуществлялась реорганизация органов внутренних дел на местах, которая была связана с произошедшими изменениями в государственно-территориальном устройстве страны.

В 1927 г. Псковская губерния вошла в состав укрупненной Ленинградской области. В ее рамках были выделены Псковский и Великолукский округа, включавшие соответственно 18 и 23 района.

Новое районирование не могло не отразиться на территориальной организации псковской милиции. Еще в середине 1920-х гг. губернское и уездные управления милиции были преобразованы в административные отделы при исполкомах местных Советов. В их состав входили следующие подотделы: общий, милиции и уголовного розыска. После ликвидации Псковской губернии на базе данных органов создаются окружной административный отдел и районные административные отделения (РАО), подчинявшиеся по команде начальнику административного отдела Ленинградской области. Начиная с этого момента и вплоть до 1944 г. милиция Псковщины организационно являлась частью ленинградской милиции.

Вместе с тем изменения затронули не только внешние формы милицмейской организации. Они были тесно связаны с поиском новых методов работы, подготовки квалифицированных кадров, материального обеспечения милиции.

Осенью 1927 г. псковская милиция торжественно отпраздновала десятую годовщину своей деятельности. В связи с юбилеем наряды милиционеров внешней службы и агентов угрозыска были сокращены до минимума, а милицмейские посты заменены красноармейцами. Торжества проходили 12—13 ноября. В первый день состоялись торжественное собрание, вручение наград личному составу и спектакль. Программа второго дня включала парад, праздничный обед и киносеанс [8]. В период празднования впервые было проведено награждение сотрудников милиции почетным ведомственным знаком «X лет рабоче-

крестьянской милиции. 1917 – 1927». Почетный знак имел бронзовый и серебряный варианты. Первый вручался милиционерам, прослужившим в органах внутренних дел от 5 до 7 лет, а второй – имевшим более длительный стаж службы.

Псковским подразделениям РКМ было чем гордиться в своей недолгой десятилетней истории. Она вместила и трагические события Гражданской войны, и героическую борьбу с криминальной анархией в послевоенные годы. Однако жизнь не стояла на месте и требовала приведения организации милицейской службы в соответствие с усложняющейся системой общественных отношений и новыми проблемами, затруднявшими эффективное поддержание правопорядка методами, сложившимися еще в условиях чрезвычайного положения.

Учитывая аграрный характер округа, работники псковской милиции были ориентированы прежде всего на охрану экономических основ жизнедеятельности деревни, что объективно отвечало интересам самых широких слоев псковского крестьянства. Особую значимость имела борьба с хищением скота и воровством сельскохозяйственного инвентаря. Реальной помощью крестьянам являлось и участие милиции в ликвидации последствий стихийных бедствий. Кроме того, при поддержке милицейских органов действовали специальные трудовые инспекции, призванные препятствовать кабальным сделкам среди сельских обывателей.

На милицию возлагалась обязанность информировать население о целях и задачах государственной политики. По инициативе начальника Псковского административного отдела Зимина особое внимание уделялось подготовке сельских милиционеров к соответствующим докладам на собраниях сельсоветов и сходах [13]. Начиная с весны 1927 г., широко практиковались отчеты псковской милиции перед представителями общественности о проделанной ею работе.

В городах Псковщины деятельность милиции была связана с несением постовой службы, обеспечением правил торговли и уличного движения, борьбой с нарушителями общественного порядка, притоносодержателями и хулиганами. Особое место занимала деятельность по пресечению уголовных преступлений. Эту работу возглавлял начальник псковского уголовного розыска Рувимский. Поощрявшееся им скрытное патрулирование и другие инновационные методы оперативно-розыскной деятельности позволяли порой задерживать правонарушителей не только по «горячим следам», но и прямо на месте преступления. Так, например, 18 июля 1928 г. активной группой агентов псковского угрозыска при обходе города в 2 часа ночи были задержаны А. Широков и А. Рутницкий, пытавшиеся совершить кражу из лавки гражданина Шлосберга [10].

Иногда подчиненным Рувимского приходилось выполнять и обычно несвойственные им функции. В частности, они помогали местным властям в поиске архивных материалов бывшего губисполкома, которые были утрачены в процессе его реорганизации. В январе 1929 г. эти документы каким-то образом оказались на псковском рынке, где использовались то ли как упаковочная бумага, то ли в другом схожем качестве. Просьбу принять меры по их изъятию президиум окрисполкома направил именно в уголовный розыск г. Пскова [4].

Работники уголовного розыска хорошо владели оперативной обстановкой, имели устойчивые связи среди городского населения и умели наладить диалог с рядовыми гражданами. Накопленный опыт практической работы позволял псковской милиции пресекать и гораздо более опасные правонарушения: вооруженные грабежи, кражи, преступления против личности.

Рассмотрим в качестве примера деятельность Псковской милиции по борьбе с бандитизмом.

Так, в течение нескольких лет на территории Великолукского, Невельского и других уездов действовала хорошо вооруженная банда Захаркинского, имевшая массу сообщников среди кулацких элементов. Банда совершала многочисленные ограбления крестьян, живших на хуторах, грабила кооперативы, громила советские учреждения на селе. Ею были разгромлены и разграблены Овсищенский и Лосевский сельсоветы, кооперативы в деревне Пески Великолукского уезда, маслосклады.

Во время налетов бандиты отбирали одежду, продукты питания, скот, лошадей. Награбленное сбывали через своих сообщников из местного населения, ценные вещи брали себе, дарили укрывателям. Лошадей продавали конокрадам. Скот резали для нужд банды, снабжали мясом родственников. Ограбления производились с цинизмом и жестокостью. На хуторе, близ бывшего имения Гостилово Невельского уезда жила одинокая вдова из зажиточной семьи. Нагрянув на хутор, бандиты стали требовать деньги. На отказ вдовы выдать деньги бандиты раздели ее, обложили тряпками, облили керосином и подожгли. Под пытками вдова указала место хранения сбережений.

Сотрудниками Великолукской милиции был создан специальный отряд во главе с начальником уголовного розыска Н.И. Лукиным. Отряд дважды окружал бандитов, но те выходили из окружения почти невредимыми, так как были хорошо вооружены, имели большой запас патронов и гранат.

Вскоре главарь банды Мишка Захаркинский на одном из хуторов Невельского уезда был убит в перестрелке. Через некоторое время был пойман, а затем убит при попытке к бегству Прокоп Гуков, ставший во главе банды. Несколько позже были арестованы и остальные бандиты, выявлены укрыватели [1].

В приказе начальника губернской милиции говорилось: «Объявляю от лица службы благодарность с занесением в послужные списки начальнику милиции Великолукского уезда и города т. Лукину Николаю, начальнику 2-го района т. Мажуль Николаю, ст. милиционеру 2-го района т. Корчагину Банифацию и повозочному того же района т. Богданову за проявление энергии, героизма и самоотверженности в борьбе с бандой, возглавляемой бандитами Мишкой и Васькой Захаркинскими, бесчинствовавшими в Торопецком и Великолукском уездах в течение последних лет. В результате такой борьбы главари были убиты, а банда ликвидирована». Президиум Великолукского уездного исполкома выделил 50 рублей золотом на поощрение работников милиции, отличившихся в борьбе с бандитизмом [11]. И подобные примеры были не единичными.

Следует особо отметить, что во второй половине 1920-х гг. псковской милиции удалось сбить волну организованной преступности, захлестнувшую губернию после гражданской войны. В конце 1920-х гг. сводки уголовного розыска постоянно обращали внимание на отсутствие устойчивых банд на Псковщине. Они подтверждались и данными начальника окружного отдела ОГПУ, в обязанности которого входило осуществление параллельного учета всех проявлений бандитизма на территории округа [5].

Несколько сложнее обстояло дело в сельской местности. Значительные масштабы в крестьянской среде приобрело хулиганство. Массовость данного явления, учитывая в целом аграрный характер Псковщины, серьезно подрывала общественный порядок на местах. Представители власти всерьез заговорили о явно выраженном классовом характере хулиганства в деревне [13, с. 37]. И некоторые основания для такой оценки ситуации действительно имелись.

Послевоенная разруха, голод начала 1920-х гг. и упадок промышленности, рост цен и безработица, острый товарный дефицит и огромные очереди за элементарными предметами первой необходимости стимулировали спекуляцию, преступность, злоупотребление со стороны должностных лиц и т.п. Новая экономическая политика, призванная нормализовать социальную обстановку, проводилась непоследовательно. Стремление политического руководства страны использовать в своих целях частное предпринимательство сочеталось с опасениями «капиталистического перерождения» общества, усиления мелкобуржуазных тенденций среди широких масс населения [14, с. 134]. Оживление товарного производства побуждало государство к созданию препятствий на пути укрепления частного капитала с помощью обобществления мелких предприятий на кооперативной основе. Наибольшие льготы предоставлялись мелким кустарям и кооператорам, которые были не в состоянии своими силами насытить товарный рынок.

Материальные затруднения населения способствовали развитию на Псковщине контрабандной торговли и «черного рынка», получивших наибольшее расширение к середине 1920-х гг. Контрабандный промысел на Псковщине оказался настолько рентабельным, что, несмотря на все усилия властей, местные крестьяне неохотно шли в кооперацию. В одном только Себежском уезде против 18 потребкооперативов в 1925 г. было зарегистрировано 390 частных предпринимателей, чьи лавки содержали богатый выбор импортных товаров широкого потребления [16]. На протяжении всей кооперативной кампании их число не только не уменьшалось, но, напротив, имело тенденцию к дальнейшему росту.

Непосредственной борьбе с профессиональными контрабандистами препятствовали вооруженность и хорошая организованность последних. Для нейтрализации действий представителей органов власти местные крестьяне устраивали всевозможные системы сигнализации, наблюдательные посты и даже засады. Подавлению преступных промыслов в среде местного населения препятствовали жестокий товарный дефицит, а также отсутствие стабильных источников дохода. Неурожаи, отсутствие хлеба и денег вынуждали крестьян за бесценок продавать покосы или часть пахоты.

Сложная социально-экономическая и политическая обстановка на Псковщине создавала благоприятные условия для активной деятельности различных антисоветских элементов. Сказывалась и близость Прибалтики, являвшейся частью так называемого «санитарного кордона».

Информационные сводки Псковского губотдела ГПУ фиксировали сложное политическое состояние деревни: «Настроение крестьянства губернии понижено в силу тяжелого их материального положения, которое с каждым днем все более ухудшается... В данное время уже есть такие крестьянские семьи, которые хлеба не имеют и питаются одним картофелем. К сельхозналогу крестьянство относится хотя и сознательно, но все то тяжелое их материальное положение, коим одержимы они в настоящий период, принуждает их вспомнить о тех временах, когда разные налоги не были так чувствительны для их разоренного хозяйства, как теперь. Последнее обстоятельство вызывает у крестьян пассивность к Соввласти и РКП(б), которая используется антисоветским элементом в смысле распространения среди населения нелепых небылиц и ложного истолкования того или иного политического момента» [15, с. 475].

Разгром и отступление в Прибалтику белогвардейских сил не сразу привели к прекращению вооруженных столкновений на Псковской земле. Псковская губерния оказалась охвачена разветвленной сетью вооруженных групп эсеровского толка, полностью ликвидировать которые советским властям удалось лишь к середине 1920-х гг. Их позиция («ни с белыми, ни с красными») отчасти совпадала с лозунгами полковника С.Н. Булак-Балаховича, действовавшего в западных районах Псковщины в период гражданской войны. Часть примкнувших к нему псковских добровольцев ушла вместе с белыми в Прибалтику, а часть — в связи с объявленной амнистией ВЦИК — вернулась в родные места и составила значительную долю местного населения. Показательно в этом плане письмо председателя Сумецкого сельсовета, отмечавшего, что со всей округи в Красной Армии воевали — включая его самого — только три человека (из них двое погибли). «Остальные были у Балаховича, и вот мне сейчас чрезвычайно тяжело работать...» — доносил он в центр в 1928 г. [2].

Подобная ситуация не могла не беспокоить советское руководство. По инициативе государства во второй половине 1920-х гг. предпринимались шаги для налаживания доброжелательных отношений между местным населением и официальными лицами. Так, социальная поддержка населения положительно сказалась на его участии в охране государственной границы. Уже летом 1926 г. Псковский губернский отдел ОГПУ с удовлетворением отмечал, что 20–25 % задержаний нарушителей пограничного режима производилось при гласном содействии местных жителей. Еще больший процент задержанных давало негласное сотрудничество. Однако подобные отношения складывались далеко не повсеместно. Согласно информации сотрудников ОГПУ за шестнадцатикилометровой пограничной полосой продолжали процветать самонаварение, хулиганство, «вера во вздорные слухи» и «сокрытие от органов власти преступного элемента» [17].

Такое различие в настроениях населения Псковщины представители власти объясняли нехваткой средств для устройства «полной советской

общественности» за пределами пограничной полосы [6]. Усиленное снабжение погранрайонов хлебом, промышленными товарами, строительным лесом и многим другим шло за счет урезания запросов внутренних районов. Сюда же направлялась большая часть безвозмездных кредитов.

Отмечаемые официальными лицами «белобандитское» прошлое и религиозность значительной части псковского населения способствовали дополнительной напряженности общественных отношений и затрудняли работу правоохранительных органов. В конце 1920-х гг. подобная ситуация сохранялась еще во многих местах. Но наиболее неблагоприятными являлись районы, находившиеся некоторое время под контролем Булак-Балаховича. Именно здесь чаще всего регистрировались факты активного неповиновения советским властям и нарушения общественного порядка. Положение усугублялось наличием на руках у населения большого количества огнестрельного оружия.

Решение проблемы хулиганства несколько раз обсуждалась в рамках межведомственных совещаний по борьбе с преступностью под руководством губпрокурора Витбаума. В 1927 г. постановлениями местных Советов против нарушителей общественного порядка были введены штрафы на сумму до 100 рублей или обязательные работы сроком на 1 месяц [13, с. 37]. К наиболее злостным хулиганам в качестве санкций применялась принудительная высылка за пределы округа.

Однако вышеуказанные меры помогали далеко не всегда. Масштабы противоправных действий ставили порой в тупик как милицию, так и прокуратуру. В исходивших от них сводках в качестве субъектов хулиганских действий иногда упоминались целые деревни. В подобных случаях правоохранительным органам приходилось констатировать: «Что же касается выселения или ареста целой деревни, то ни первое, ни второе в силу закона в данном случае применено быть не может» [9].

Иногда обеспечение правопорядка было сопряжено с немалым риском и перерастало в вооруженные стычки. Так, в мае 1928 г. во время религиозного праздника пять милиционеров задержали в деревне Заполье Новосельского района нескольких пьяных мужчин, нарушивших общественный порядок. За неимением более подходящего помещения их временно заперли в погреб. Но односельчане попытались освободить задержанных. Сотрудники милиции пытались уговорить толпу разойтись. Однако она продолжала напирать. Тогда милиционер Ефимов применил личное оружие, произведя выстрел вверх. В этот момент стоявшие рядом крестьяне схватили его за руки, в результате чего он случайно ранил 20-летнюю девушку и малолетнего ребенка. В ответ из толпы также последовали выстрелы. В руках деревенской молодежи появились кинжалы и обрезы, а сотрудникам милиции пришлось с боем прорываться из деревни в поле. В погоню за ними бросились несколько десятков пьяных граждан. Поэтому милиционерам пришлось еще раз разделиться и двое из них направились на полустанок Лапино для вызова помощи из войсковой части. Выйдя на полотно железной дороги, они получили от прохожих предупреждение о том, что вблизи полустанка их ждет засада. В результате милиционеры вынуждены были повернуть и идти на станцию Новоселье [7].

Подобные инциденты доказывали необходимость более тесного взаимодействия милиции с общественностью. С этой целью среди городского и деревенского населения была развернута разъяснительная кампания под лозунгом «Хулиганство — нож в спину революции». На сходках и собраниях велась агитация за создание дружин, которые должны были содействовать представителям власти в борьбе с хулиганами. Прежде всего принимались меры по формированию общественного актива для помощи сотрудникам милиции в сельской местности.

Одновременно общества содействия милиции создавались в городах округа. Однако и здесь оперативная обстановка оставалась еще достаточно сложной вплоть до начала 1930-х гг. При этом советские власти хорошо представляли себе причины, затруднявшие их контакт с определенной частью горожан в сфере охраны общественного порядка. В спецдонесении ОГПУ осенью 1930 г. они обозначены очень конкретно: «В дореволюционное время город Псков являлся крупным торговым центром с купеческо-мещанским населением, до фанатизма религиозным. Последнее чувствуется и до сих пор. В период оккупации немецкими войсками, Балаховичем города Пскова и затем уходом их, значительная часть населения поддерживала белых, оказывала им всяческое содействие вплоть до активного участия в рядах банд Балаховича, с коим они также ушли за границу и впоследствии возвратились на жительство в город Псков» [3].

Налаживание взаимопонимания между органами правопорядка и лицами, замешанными в активном или пассивном противодействии той власти, которую они представляли, было чрезвычайно сложной задачей. Она требовала от сотрудников милиции умения гибко сочетать методы административного убеждения и принуждения.

Список источников и литературы

1. *Архив* Управления Федеральной службы безопасности по Псковской области. Д. 4124. Л. 453.
2. *Государственный архив* новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 155. Л. 81.
3. ГАНИПО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 54. Л. 19.
4. *Государственный архив* Псковской области (ГАПО). Ф. 324. Оп. 1. Д. 134. Л. 50.
5. ГАПО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 223. Л. 64.
6. ГАПО. Ф. Р-1122. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.
7. ГАПО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 223. Л. 33.
8. ГАПО. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.
9. ГАПО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 2235. Л. 18.
10. ГАПО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 223. Л. 50.
11. ГАПО. Ф. 590. Оп. 2. Д. 57. Л. 54.
12. *Изменения социальной структуры советского общества. 1921 — середина 1930-х гг.*: сб. статей / ред. В.М. Селунская. М., 1979.
13. *История псковской милиции*. Псков, 1979.
14. *Колганов А.И.* Путь к социализму: трагедия и подвиг. М., 1990.
15. *Сборник документов и материалов по истории Псковского края (IX—XX вв.)*: учеб. пособ. Псков, 2000.
16. *Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб)*. Ф. 198. Оп. 6. Д. 101. Л. 35.
17. ЦГА СПб. Ф. 198. Оп. 6. Д. 121. Л. 57.

Об авторе

С.Е. Матвеев — канд. юр. наук, доц., Тульский государственный университет, начальник УВД Тульской области, priz@tsu.tula.ru

Author

Dr. S. Matveev, Tula State University, head of the Tula Region Internal Affairs Directorate, priz@tsu.tula.ru